

МОДЕЛИРОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИСКУРСА О НАУЧНОМ ЗНАНИИ (СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК НЕКЛАССИЧЕСКАЯ)*

Социальная эпистемология как новое направление философии развивается вот уже более тридцати лет, и само ее появление является следствием развернувшейся примерно в середине XX в. дискуссии о роли социальных факторов в истории науки. За это время концепции ее авторов подверглись критике и анализу в литературе. Многими авторами (А.Альварес, Э.Лёкиви из зарубежных, И.Т.Касавин, В.А.Лекторский, Л.А.Маркова из отечественных исследователей) отмечалось противостояние классической эпистемологии и социальной (как неклассического направления) по ряду вопросов, касающихся общего предмета – научного знания. Именно *степень* этого противостояния стала предметом нашего анализа концепций, сформулированных исследователями в рамках социальной эпистемологии. Мы задались вопросом: как далеко ушла социальная эпистемология от классической? Полностью ли первая противопоставлена последней? В нашей статье приводится умозрительная модель противостояния философских направлений (классической и социальной эпистемологий), имеющих общий предмет и неравных по «возрасту». Мы анализируем, как в эту умозрительную модель вписываются реальные концепции социальных эпистемологов как эмпирических индивидов. Для примера мы взяли концепции таких социальных эпистемологов, как Д.Блур, Э.Голдман и Х.Лонжино.

1. «Стандартная концепция научного знания» и классическая эпистемология

В нашем case studies¹, касающемся дискурса относительно природы и статуса научного знания, роль одной из сторон противостояния выполняет определенный комплекс представлений о научном знании, доминировавший в умах исследователей науки до начала второй половины XX в. и частично сохранившийся в настоящее время. (Под «частичной сохранностью» в данном случае понимается то обстоятельство, что и сейчас существуют философы, исследователи науки, защищающие отдельные компоненты этого комплекса взглядов или даже весь его полностью или с небольшими модификациями.)

Различные исследователи концентрируют свое внимание на разных частях этого комплекса представлений. Поскольку ими проделана большая работа по выделению положений, входящих в интересующий нас комплекс взглядов, и

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 09-06-00023-а, РФФИ № 10-06-00115а.

¹ Case studies, кейс стадис – метод ситуационного анализа, подробного анализа конкретных ситуаций, в философии науки такой ситуацией может выступать научное открытие, сделанное определенным ученым в контексте идей и социальной обстановки своего времени, которые при применении данного метода станут предметом внимательного рассмотрения.

поскольку они к тому же в большинстве случаев четко и ясно формулируют положения другой стороны, то в данном разделе мы воспользуемся их разработками, указывая имена авторов. И поскольку «стандартная концепция научного знания» (М.Малкей) тесно связана с классической эпистемологией (не будет преувеличением сказать, что последняя развивала первую, целиком от нее за-вися), то в нашем анализе мы рассматриваем их как единое целое.

М.Малкей в своей книге «Наука и социология знания»² выделяет «стандартную концепцию научного знания», которая традиционно принималась в социологии знания. Это система предпосылок, в соответствии с которыми формулировались взгляды социологов на науку как социальный феномен. Поскольку эти положения берут начало в классической эпистемологии, то приведем их.

1. Мир природных явлений объективен и существует реально.

2. Характеристики мира не зависят от предпочтений и интересов наблюдателя.

3. Цель науки – точное описание и объяснение объектов, процессов и взаимосвязей, имеющих место в природе.

4. Научное знание открывает и накапливает в себе истинные черты внешнего мира.

5. В основе мира лежат неизменные единообразия, выражаемые в виде законов природы.

6. Научное знание начинается с показаний органов чувств.

7. Законы, сформулированные на основе наблюдения, это общие утверждения, суммирующие совокупности надежно установленных опытных данных.

8. Наука создала жесткие критерии истинности научных утверждений.

9. Научное знание независимо от субъективных факторов, т. к. удовлетворяет этим критериям.

10. Необходимо проводить различие между законами на основе наблюдения и теоретическими законами. Последние могут пересматриваться. На фактуальном же уровне развитие науки кумулятивно.

11. Социальное происхождение научного знания почти не связано с его содержанием – последнее определено лишь природой физического мира³.

На этом заканчивается описание малкеевской «стандартной концепции научного знания». Предлагаем пойти дальше и дополнить ее.

В середине XX в. в историографии науки сформировались два методологических направления: *интернализм* и *экстернализм*. Интерналисты рассматривали историю науки как историю научных идей, а экстерналисты – как социальный процесс⁴. Тогда следующий пункт будет гласить:

12. Интернализм и экстернализм как концепции непримиримы; социальность познания сводится к внешним отношениям.

Общераспространенной точкой зрения на науку был научный реализм. Известный философ науки Дж.Р.Браун определяет реализм как доктрину, согласно которой «наука является более или менее успешной в описании того, каков мир в действительности». Следовательно,

13. Научные теории либо истинны, либо ложны; их истинность или ложность является буквальной, а не метафорической, она никак не зависит от нас, или от нашего способа проверять теории, или от структуры нашего мышления, или от общества, в котором мы живем и т. д.

² См.: Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983. 254 с.

³ См.: Там же. С. 40.

⁴ См.: Маркова Л.А. Трансформация оснований историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., М., 2001. С. 71.

Далее получаем еще один пункт, присоединяя замечание Е.А.Мамчур об отношении эпистемологии к психологии в те времена.

14. Эпистемология враждебна психологии.

Термин «психологизм» был и остается для большинства эпистемологов бранным словом, а само стремление объяснить познавательный процесс в терминах психологических факторов рассматривалось ими как опасная тенденция, уводящая эпистемологию с рационального пути.

Кроме того, распространенная «стандартная концепция» научного знания гласила, что

15. Научное знание является эпистемологически привилегированным случаем знания.

И.Т.Касавин отмечает, что классическая теория познания (позитивизм, марксизм, критический рационализм) в числе своих предпосылок содержала убеждение в том, что анализ научного знания является лучшим способом исследования знания вообще.

Помимо дихотомии интернализма–экстернализма в философии науки существовала дихотомия контекста открытия и контекста обоснования. Контекст открытия и контекст обоснования стали различать в западной науке 1930–1950-х гг. сторонники логического позитивизма в связи с тем, что они пришли к отрицанию возможности точного логико-методологического анализа формирования, развития и совершенствования научно-теоретического знания, а также в связи с активной критикой эмпирического индуктивизма как теории получения новых знаний⁵. Итак, в классической эпистемологии бытовало мнение, что

16. Сферу методологического анализа необходимо ограничить контекстом обоснования.

В.А.Лекторский выделяет *четыре* основных особенности классической теории познания, оказавшейся в центре всей проблематики западной философии в XVII в., когда решение теоретико-познавательных вопросов стало необходимым условием исследования всех остальных философских проблем. Эти особенности мы также включим в наше перечисление, присвоив им следом идущие номера.

17. Критицизм.

«Теория познания – это критика того, что считается знанием в обыденном здравом смысле, в имеющейся в данное время науке, в других философских системах. Поэтому исходной для теории познания является проблема иллюзии и реальности, мнения и знания. Эта тематика была сформулирована уже Платоном в диалоге “Теэтет”»⁶.

18. Фундаментализм и нормативизм.

В классической эпистемологии обращалось внимание на то, что сам идеал знания, на основе которого решается задача критики, должен быть обоснован. Осознавалась необходимость нахождения универсального фундамента знаний, относительно которого не возникает сомнений.

19. Субъектоцентризм.

В качестве несомненного и неоспоримого базиса, на котором можно строить систему знания, выступал сам факт существования субъекта. С точки зрения Декарта, это вообще единственный самодостовверный факт.

20. Наукоцентризм.

⁵ См.: Швырев В.С. Контекст открытия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. II. М., 2001. С. 297; Швырев В.С. Контекст оправдания // Там же. С. 296–297.

⁶ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 104.

Лекторский указывает на то, что теория познания приобрела классический вид именно в связи с возникновением науки Нового времени и во многом выступила как средство легитимации этой науки. Большинство теоретико-познавательных систем исходило из того, что именно научное знание, как оно было представлено в математическом естествознании этого времени, является высшим типом знания. Для классической эпистемологии характерна позиция научного реализма.

Основанием для нашего последнего пункта станет наблюдение И.Т.Касавина о том, что: «обычный гносеологический взгляд на существование различных концепций, теорий, убеждений, имеющих один и тот же предмет, сводил имеющиеся различия к дихотомии истина – ложь. Истина рассматривалась как естественный результат познания, заблуждение же объявлялось отклонением от магистральной линии развития знания. С таким пониманием познания была тесно связана идея кумулятивности, т. е. развития знания через постепенное накопление раз и навсегда истинных фактов»⁷.

Поэтому классическая эпистемология утверждала среди прочего:

21. Среди различных концепций, теорий, убеждений, имеющих один и тот же предмет, одна истинная, остальные — ложные.

Итого мы получили двадцать один пункт.

Мы назвали совокупность двадцати одного пункта нашей модели дефенсивом в отличие от «стандартной концепции научного знания», формулировка которой принадлежит Малкею и которая значительно модифицирована нами, а также «классической эпистемологии», которая полностью не исчерпывается перечисленными пунктами. На самом деле каждый из выделенных нами компонентов имеет предпосылки, из которых он выводится, и связан с набором вытекающих из него следствий, он может быть разбит на подразделы и представлен не как одно положение, но как сумма нескольких. Кроме того, в реальном дискурсе не все связи между компонентами концепции конъюнктивны – такие системы иерархичны и предполагают также наличие связей логического вывода одних утверждений из других. Наше моделирование (как любое моделирование) представляет упрощенную схему.

2. Неклассическая эпистемология

Имея в наличии двадцать один пункт дефенсива – части комплекса представлений классической эпистемологии, – мы гипотетически вывели двадцать одно утверждение, противоположных пунктам дефенсива, и совокупность этих утверждений мы назвали контрадиктом. В этом нам также помогали зарубежные и отечественные исследователи.

Итак, М.Малкей в главе второй своей книги «Наука и социология знания», вышедшей в 1979 г., производит ревизию «стандартной концепции науки».

Эта ревизия, производимая Малкеем, по-видимому, не касается выделенных им положений 1–4 «стандартной концепции науки», всего вероятнее, что он принимает их. Чтобы наша логическая реконструкция контрадикта была полной, мы установили пункты 1–4 самостоятельно: это положения, логически противоположные положениям «стандартной концепции науки», но они уже не малкеевские:

⁷ Касавин И.Т. Познание в мире традиций. М., 1990. С. 78.

1) Мир природных явлений независимо от наблюдателя не существует, и наши знания о нём субъективны.

2) Характеристики мира зависят от предпочтений и интересов наблюдателя.

3) Цели науки – какие угодно, но только не описание и объяснение объектов, процессов и взаимосвязей, имеющих место в природе.

4) научное знание не открывает и не накапливает истинных черт внешнего мира.

Поскольку к остальным пунктам дефенсива также не всегда в литературе сформулированы противоположные суждения, мы будем иногда формулировать их сами, руководствуясь, впрочем, реальными тенденциями, наметившимися в дискурсе о статусе науки во второй половине XX в.

Следующие семь положений (5–11) формулирует сам Малкей, защищая их в своей работе:

5. В принципе единообразия природы не утверждается ничего о природе – это методологический постулат, в соответствии с которым законами природы признаются только универсальные утверждения, применимые ко всем случаям.

6. Научный факт является теоретически нагруженным и его выделение как факта зависит от принятого умозраительного взгляда. Поскольку аналитическая структура научной теории изменяется, меняются и значения сформулированных в ее рамках утверждений наблюдения. Фактуальные утверждения науки не независимы от теории, и не стабильны в своих значениях. Наблюдения также направляются языковыми категориями.

7. Научные наблюдения физического мира истолковываются на основе некоего установленного и разветвленного репертуара интерпретирующих формулировок. Наблюдение и интерпретация – две стороны единого процесса. В большинстве научных исследований наблюдение направляется символическими формулировками и выражается на их основе. Наблюдения также направляются языковыми категориями.

8. С точки зрения оценки научных утверждений – не существует общих критериев и правил доказательности, обладающих универсальной приложимостью. Научные утверждения оцениваются в соответствии с критериями, формирующимися на основе контекста. Наука и научное сообщество являются особыми социальными феноменами.

9. Научное знание предполагает такое описание физического мира, которое опосредовано различными культурными ресурсами.

10. В физическом мире нет ничего, что однозначно определяло бы выводы научного сообщества.

11. Продукты науки рассматриваются как социальные конструкции, подобные всем прочим культурным продуктам.

Научные утверждения созданы социально и не даны непосредственно физическим миром, как предполагалось ранее⁸. Социальные влияния на содержание знания неизбежны, социальный фактор неизымаем, при этом естествознание также восприимчиво к социальным смыслам, как и все прочие науки.

Итак, продолжим наши выкладки.

12. Некоторые современные исследователи (Д.Блур) приходят к снятию дихотомии интернализма и экстернализма, поскольку отрицают само деление факторов развития науки на внешние и внутренние: все факторы, влияющие на науку, являются в том или ином смысле внутренними для нее.

⁸ См.: Малкей М. Наука и социология знания. С. 104–107.

Социальность не сводится к внешним для науки отношениям. Со временем само понятие социальности в науке становится проблематичным, перестает быть однозначно понимаемым всеми как совокупность внешних факторов⁹.

13. *Научные теории ни истинны, ни ложны; их истинность или ложность является метафорической, она зависит от нас или от нашего способа проверять теории, или от структуры нашего мышления, или от общества, в котором мы живем и т. д.* Это положение противопоставляется научному реализму и классифицируется как социальный конструктивизм.

14. *Эпистемология должна ассимилировать данные психологии как эмпирической науки.* Этот тезис также отстаивается некоторыми современными авторами (Д.Блур, Э. Голдман).

15. *Научное знание не является эпистемологически привилегированным случаем знания.* Эта позиция также эмпирически имеет место в современном дискурсе. На сегодняшний день тенденцией в гносеологии является расширение предметного поля гносеологических исследований. Научное знание и познание стали пониматься как элементы более широкой области – мира человеческой деятельности и общения.

16. *Контекст открытия важнее для реконструкции научного знания, чем контекст обоснования.*

В.А.Лекторский противопоставляет особенностям классической теории познания выделяемые им основные черты неклассической эпистемологии. Их также четыре¹⁰, и мы можем включить их в наши положения следующими пунктами.

17. *Посткритицизм.* Эта мысль, по Лекторскому, не означает отказа от философского критицизма, но только понимание того факта, что познание не может начаться с нуля, а предполагает вписанность познающего индивида в одну из традиций.

18. *Отказ от фундаментализма.* «Он связан с обнаружением изменчивости познавательных норм, невозможности формулировать жесткие и неизменные нормативные предписания развивающемуся познанию. Попытки отделять знание от незнания с помощью таких предписаний, предпринятые в науке XX века, в частности логическим позитивизмом и операционализмом, оказались несостоятельными»¹¹.

19. *Отказ от субъектоцентризма.* Если для классической теории познания субъект выступал как некая непосредственная данность, а все остальное вызывало сомнение, то в современной теории познания субъект понимается в качестве изначально включенного в реальный мир и систему отношений с другими субъектами. Субъективность оказывается культурно-историческим продуктом.

С отказом от субъектоцентризма, по Лекторскому, согласуется коллективизм как направление неклассической мысли, в котором за отдельным индивидом отрицается статус полноценного субъекта познания, который приписывается только коллективам, группам, наконец, всему обществу. Противостояние индивидуализма и коллективизма приобрело в современной философии науки напряженную форму.

20. *Отказ от наукоцентризма.* Осознание того, что наука является не единственным способом познания реальности: она принципиально не может вытеснить, например, обыденное знание. Установка на изучение донаучных и вне-научных форм и типов знания. Изучение взаимодействия различных форм знания.

⁹ См.: Маркова Л.А. Трансформация оснований историографии науки. С. 76.

¹⁰ См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 103.

¹¹ Там же. С. 110.

21. С помощью дихотомии «истина – ложь» нельзя уже разрешить проблему существования различных концепций, теорий, убеждений, имеющих один и тот же предмет. Современные исследователи провозглашают плюрализм концепций и эпистемологический релятивизм, утверждая, что среди множества концепций нет эпистемологически привилегированной.

Итак, мы сконструировали модель противостояния классической и неклассической эпистемологии. Насколько она приложима к реальным социально-эпистемологическим концепциям и что можно извлечь из нее для их анализа?

3. Общие тенденции социальной эпистемологии

Тенденция рассмотрения познания сквозь призму социологических данных, появляющаяся во второй половине XX в., заслуживает пристального внимания и анализа для понимания феномена познания во всех его проявлениях, включая как научные, так и вненаучные системы человеческих знаний. Для классической философии и теории познания была характерна резкая оппозиция «мира природы» и всего, что относилось к его познанию, и «мира культуры». В настоящее время в философии признается практически всеми то, что наше познание в некоторой мере направляется социокультурными факторами¹². Во второй половине XX в. появляются такие признаки нового научного мировоззрения, как контекстуальность, переосмысление субъект-предметного отношения, интересубъективность, плюрализм и ряд других. В классической теории познания объектом исследования являлось, в основном, научное знание, считавшееся самым совершенным и приближающимся к истине. Образом исторического движения науки была кумулятивная модель, предполагающая все большее совершенствование научного знания во времени и его постепенное приближение к истине. В современной гносеологии наметилась тенденция переосмысления понятий традиционной теории познания. Она выражается в расширении предметного поля гносеологических исследований. Научное знание и познание стали пониматься как элементы более широкой области – мира человеческой деятельности и общения. При анализе научного знания исследователи начали использовать представления, заимствованные из социальных и гуманитарных наук. Образ познания, не вписанного в социальный контекст, в современных исследованиях считается не только не универсальным, но представляющим собой крайний, вырожденный случай¹³. Поэтому сторонники как социальной эпистемологии, так и антропологии познания расширяют понятие знания, включая в него все культурные формы знания и сознания, при этом допускается изучение знания, не имеющего интересубъективной знаковой формы. Современные исследования ассимилируют данные таких наук, как когнитивная социология, психология, лингвистика. Теория социальных систем, в которой также представлены некоторые идеи социальной эпистемологии, усваивает некоторые результаты из области логики и семиотики, как это, например, имеет место в концепции Н. Лумана¹⁴.

¹² См.: Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 22–21.

¹³ См.: Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии // Познание в социальном контексте. М., 1994. С. 11.

¹⁴ См.: Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. С. 95.

Как отмечает И.Т.Касавин, «современная ситуация в гносеологии воскрешает классическую ориентацию на анализ целостного познавательного отношения, но уже на новом уровне. Данная целостность не представляется более чем-то нерасчлененным, но, напротив, выступает как внутренне дифференцированное многообразие. Гносеологический интерес распространяется как на научные, так и на вне- и ненаучные способы когнитивного освоения мира, и каждый тип знания обнаруживает присущие ему особенности, сферы применимости, формы обоснования и критерии приемлемости»¹⁵. Одновременно обогащается методологический арсенал теории познания: гносеологический анализ и аргументация теперь включают переосмысленные результаты и методы специальных наук о познании и сознании, естественных социальных и культурологических дисциплин. Западные философы стремятся в связи с этим к построению «натуралистической эпистемологии», учения о познании, подчиненного той или иной научной дисциплине. Расширяется также и понятие рациональности. Демонстрируется особая рациональность не только научных методов, но и знания, присущего примитивным культурам, знания, обладающего собственными объяснительными схемами, способностью удовлетворять социальные потребности и служить ориентирами для практической деятельности.

Современная неклассическая эпистемология значительно расширяет круг рассматриваемых феноменов, объединяемых термином «знание». С этих позиций гносеологическое различие между истинным и ложным, научным, мифологическим и повседневным познанием становится второстепенным. При этом эпистемологические исследования приобретают междисциплинарный характер, ассимилируя данные таких наук, как когнитивная социология, психология, антропология познания. Социальная эпистемология, как правило, позиционируется в качестве неклассической дисциплины, скептически относящейся к таким классическим категориям, как истина или рациональность. Однако в некоторых направлениях социальной эпистемологии разрыв с классической теорией познания не является таким резким, в частности, Э.Голдман – оппонент Блур – указывает на эвристическую ценность и неисчерпанность понятия истины для социальной эпистемологии.

В связи с необходимостью интерпретации и ассимиляции эпистемологией новых знаний о науке и познании, а также в связи с радикальным расхождением позиций представителей самой социальной эпистемологии в настоящее время возникла проблемная ситуация, ставящая под вопрос само существование философской эпистемологии как таковой.

4. «Сильная программа Д.Блур»

Д.Блур является автором монографий «Знание и социальная образность» (здесь он сформулировал «сильную программу» в социологии знания)¹⁶, «Витгенштейн: социальная теория познания»¹⁷, «Витгенштейн: правила и институты»¹⁸.

«Сильная программа», как она излагается в книге «Знание и социальная образность», содержит четыре главных тезиса:

¹⁵ Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1998. С. 23–25.

¹⁶ См.: Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L., 1976. P. 156.

¹⁷ См.: Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. Macmillan and Columbia, 1983.

¹⁸ См.: Bloor D. Wittgenstein, rules and institutions. L., 1997.

1) социология знания должна заниматься причинным объяснением знания, хотя такое объяснение не исчерпывается социальными причинами (принцип каузальности);

2) она должна объяснять все виды знания, оставаясь безразличной к его истинности или ложности, рациональности или иррациональности (принцип эквивалентности);

3) социологическое объяснение должно сводить истинное и ложное, рациональное или иррациональное знание к одному и тому же типу причин (принцип симметрии);

4) социология знания должна применяться к себе самой так же, как и к другим системам знания (принцип рефлексивности).

Насколько Д.Блур может согласиться с пересмотром «стандартной концепции науки» М.Малкеем, и насколько его социальная эпистемология является неклассической? Это можно установить, проанализировав его книги и статьи. Исследователь SSK (социологии научного знания) А.А.Альварес в своей работе¹⁹ сравнивает программу социологии научного знания с современной ей философией науки, противопоставляя данные дисциплины по ряду пунктов. Альварес приходит к выводу о том, что, хотя социология научного знания претендует на философское значение, она резко противостоит традиционной классической философии науки, расходясь с последней по многим существенным положениям, и, самое главное, по своему подходу к предмету (научному знанию). Другие авторы также отмечают, что большинство тезисов, выдвигаемых сторонниками социологии научного знания, были развиты в оппозиции концепциям, доминирующим в философии науки²⁰. Проследим, насколько это верно применительно к концепции Д.Блура. Задействуем пункты нашей модели противостояния классической и социальной эпистемологии.

1. *Блуру присущ дуализм социального и материального* (слабая версия социального конструктивизма). «Сильная программа» социологии знания основана (или Блур пытается основать ее) на «материалистическом допущении», которое заключается в признании существования материального мира, независимого от нашего сознания и знания и упорядоченного определенным образом (дефенсив).

2. Характеристики мира не зависят от предпочтений и интересов наблюдателя. От предпочтений и интересов наблюдателя у Блура зависят только характеристики теорий о мире (дефенсив).

3. *Цель науки – не истина*. «Сильная программа» предписывает социологам игнорировать понятие истины, она предписывает рассмотрение в качестве знания «как истинных, так и ложных убеждений» (контрадикт).

4. *Блуру свойственен антикумулятивизм* (контрадикт).

5. *Блур стремится открыть законы возникновения распространения знаний, следовательно, верит в наличие законов в мире* (дефенсив).

6. *По Блуру, научный факт теоретически нагружен* (контрадикт).

7. Блур согласился бы с мнением, что наблюдение и интерпретация – две стороны единого процесса (контрадикт).

8. *Он согласился бы с тем, что не существует общих критериев и правил доказательности, обладающих универсальной приложимостью. Наука и научное сообщество являются особыми социальными феноменами* (контрадикт).

¹⁹ См.: Alvarez A.A. Sociological Studies and Philosophical Studies: twenty Years of Controversy // Society for Philosophy and Technology. 1996. Vol. 1. № 3–4.

²⁰ См.: Lõhkivi E. On philosophers' criticism of the sociology of scientific knowledge // Paper to be presented at the Research Seminar of the Department of Philosophy, the University of Helsinki, 24. 04. 2003. Estonia, 2003.

9. Научное знание, по Блору, опосредовано культурными ресурсами (контрадикт).

10. Блур подчеркивает значение для социальной эпистемологии «принципа недостаточной детерминации». Этот принцип заключается в том, что, апеллируя к простому влиянию объекта, нельзя объяснить разницу в восприятии этого объекта различными наблюдателями, наши описания реальности с необходимостью включают в себя параметры, детерминированные социальными факторами (контрадикт).

11. Программа социологии научного знания Д.Блора скорее ассимилирует, чем демаркирует, скорее объединяет, чем разделяет знание и остальную культуру. Так, Блур утверждает, что «знание скорее можно приравнять к культуре, чем к опыту»²¹ (контрадикт).

12. Социальные факторы естественно вплетены в структуру научного знания, они формируют ее и являются ее частью. Иными словами, «граница между внутренним и внешним размывается, история идей оборачивается своей субъектной стороной, в нее включается процесс возникновения знания, а вместе с этим и все то, что связано с творцом идей – контексты культуры, социума, научного открытия, специфические для каждого отдельного случая»²² (контрадикт).

13. По Блору, социолог не компетентен судить об истинности или ложности научных теорий, истина и ложь рассматриваются им как «ярлыки», имеющие социальные функции (контрадикт).

14. Эпистемология должна ассимилировать данные психологии как любой другой эмпирической науки (контрадикт).

15. Научное знание для Блора не является эпистемологически привилегированным случаем знания. Несмотря на это, для демонстрации своего социологического подхода Блур выбирает математическое и логическое знание. Математика и логика традиционно считались науками, которые имеют дело с законами, обладающими особой принудительностью и не связанными с эмпирической реальностью. Блур выдвигает тезис о социальной природе математической и логической принудительности (контрадикт).

16. Социология Блора обращает внимание на развитие знания до кристаллизации результата, чем является обоснование. Для него (как и для Т.Куна) наука – феномен существенно исторический (контрадикт).

Наконец, в «сильной программе» Блора можно проследить такие черты неклассической эпистемологии по Лекторскому, как:

17. Посткритицизм.

Он специально подчеркивает происхождение любого знания из знания, факт наличия «предшествующего знания», самореференциальность знания как социального института (контрадикт).

18. Отказ от фундаментализма. Релятивизм Блора покоится на эпистемологической посылке, согласно которой никакая эпистемология или онтология не являются абсолютно истинными, а объективная оценка рациональности какой-либо системы убеждений или ее соответствия реальности невозможна (контрадикт).

19. Отказ от субъектоцентризма. Позиция коллективизма в сочетании с бихевиоризмом (контрадикт).

²¹ Bloor D. Knowledge and Social Imagery. P. 12.

²² Маркова Л.А. Внутренняя история науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2008.

20. *Отказ от наукоцентризма.* Проявляется в своеобразной форме релятивизации и социологизации прежде всего научных знаний (математики и логики). Тождественность знания культуре, его невыделенность, неотличимость от других проявлений культурной жизни, лишение научного знания эпистемологически привилегированной позиции (*контрадикт*).

Таким образом, в позиции Д.Блура наличествуют все выделенные Лекторским черты неклассической эпистемологии.

21. *Дихотомия «истина–ложь» эпистемологически нерелевантна.* (Принципы эквивалентности и симметрии) (*контрадикт*).

Таким образом, «сильная программа» Д.Блура в большинстве своих положений тяготеет к контрадикту нашей модели, т. е. действительно противостоит классической эпистемологии по большинству положений. Вместе с тем она не является полностью контрадиктом, поскольку в ней присутствуют и элементы дефензива. Такие концепции можно назвать в нашей модели «гибридными формами». Концепция Блура – гибридная форма, тяготеющая к контрадикту.

Поскольку большинство тезисов, выдвигаемых Д.Блуром, были развиты в оппозиции комплексу представлений о научном знании, доминировавшему в умах исследователей науки до начала второй половины XX в., можно было бы назвать концепцию Блура «реакцией» на классическую эпистемологию, как уже квалифицировали ее исследователи²³. Среди «предтеч» Д.Блура – О.Шпенглер, с работами которого «эдинбуржец» был знаком. Но социальная эпистемология – название скорее для целого ряда разнородных программ изучения знания в социальном аспекте, чем целостного направления или единой программы. В рамках социальной эпистемологии противостояния одних социальных эпистемологов другим – обычны. Можно даже сказать, что она держится на противостояниях, индуцирующих ее развитие. Э.Голдман оппонент Д.Блура при том, что относит себя к социальным эпистемологам. Насколько близка его позиция к классической?

5. Социальная эпистемология Э.Голдмана

Социальная эпистемология Э.Голдмана, представителя нормативистского направления, разрабатываемая им в книге «Знание в социальном мире»²⁴, противопоставляется автором неклассическим подходам к проблеме знания, в т. ч. постмодернистскому²⁵. В число таких направлений входит и «сильная программа» представителей Эдинбургской школы социологии знания Б.Барнса и Д.Блура.

Сам Голдман отнес свою позицию к классическому направлению, а позицию Блура к неклассическому²⁶. И действительно, если присмотреться, у Голдмана можно найти такие черты классической эпистемологии, как фундаментализм и нормативизм, субъектоцентризм. В то же время позиция наукоцентризма отсутствует у Голдмана. Напротив, он часто ориентируется на повседневное знание, признавая его полноценным знанием и используя примеры из фолк-психологии даже там, где рассматривает научные пробле-

²³ См.: *Касавин И.Т.* Понятие знания в социальной гносеологии // *Познание в социальном контексте.* М., 1994. С. 33.

²⁴ См.: *Goldman A.I.* Knowledge in a Social World. Oxford–N. Y., 2003.

²⁵ См.: *Social epistemology.* 2000. Vol. 14. № 4.

²⁶ См.: <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/>

мы. Также нам представляется новой по сравнению с позицией классической эпистемологии прикладная направленность его теории познания, ориентированность на практики как коллективную деятельность. Новацией по сравнению с классической позицией у Голдмана является также изъятие предиката обоснованности из определения и анализа знания. Итак, у Э.Голдмана присутствуют некоторые новации по сравнению с классической эпистемологией, так что его позицию нельзя назвать классической в строгом смысле этого слова, но в отношении к нашей модели она демонстрирует свое тяготение к дефенсиву. Сам Голдман дает своей программе название веритистской (его неологизм, от лат. *veritas* – истина). Итак, программу Голдмана можно разложить на следующие пункты:

1. По Голдману, консенсуальное убеждение в существовании внешних человеку сущностей может быть продуцировано социальной интеракцией, но сами эти сущности не продуцируются ею. Знание действительно содержит убеждения, идущие от биологических особенностей человека и сконструированные естественным языком. Но требование Голдмана состоит в том, что эти убеждения могут соответствовать или не соответствовать *реальной (трансцендентной) действительности. Знание определяется им как истинное убеждение* (дефенсив).

2. *Истина не зависит от субъекта (person) и времени.* Люди и язык не создают истин, но только выражения, являющиеся кандидатами в истинные высказывания (дефенсив).

3. Поиск информации – основная человеческая деятельность. *Нормальная цель вопрошания, спрашивания – получение истинной информации.* Таким образом истина – надъсторическая и надкультурная ценность человечества. *Цель науки – веритистская* (дефенсив).

Поэтому –

4. *Резонно существование дисциплины, ищущей систематической и критической оценки ориентированных на поиск истины практик* (эпистемология Голдмана играет роль такой науки) (дефенсив).

5. Наука заинтересована в истинных ответах на специальный класс вопросов, касающихся законов природы, объяснения, каузальных отношений и т.д. Следовательно, Голдман *признает само существование законов природы* (дефенсив).

6. *Признается теоретическая нагруженность научных наблюдений. Но «нет оснований предполагать, что наблюдатель не может принципиально увидеть ничего, что бы противоречило его теоретическим взглядам»* (дефенсив-контрадикт).

7. *Голдман предлагает различные способы уменьшить теоретическую нагруженность научных наблюдений, следовательно, считает данные такого «скорректированного» наблюдения надежными* (дефенсив).

8. *Наука создала жесткие критерии истинности научных утверждений.* По Голдману, в науке используются средства минимизации ошибки наблюдения, происходящие из-за нагруженности ожиданиями (например, фотографирование результатов дает возможность перепроверить данные). В науке веритистски значимы:

– точное измерение, контролируемые реакции и наблюдения, включающие философию, органон (систему научного познания) и технологию для увеличения эффективности наблюдений;

– систематический набор принципов вывода для заключений из наблюдений и экспериментальных результатов об истинности гипотез;

– собрание и распределение ресурсов для облегчения научных исследований и наблюдений;

– система кредитов и наград, стимулирующих работников участвовать в научных исследованиях и направлять усилия в определенном направлении;

– система распространения научных открытий и теорий, также как критики этих открытий и теорий;

– использование дисциплинарно-специфической экспертизы для решений о распространении результатов, выделении ресурсов и наград (дефенсив).

9. *Научное знание независимо от субъективных факторов, т. е. удовлетворяет этим критериям* (дефенсив).

10. *Голдман различает эмпирические суждения (суждения наблюдения) и сам эмпирический опыт. С этой точки зрения достичь максимального согласия можно, минимизируя категоризацию наблюдений, описывая события в более узком визуальном языке* (дефенсив).

11. *Под социальными Голдман понимает факторы, включающие других людей и целые институты в познавательные процессы, происходящие в индивидуе. Социальные практики, по его мнению, могут иметь как веритистски позитивный, так и веритистски негативный результат, приумножать или приуменьшать знание* (дефенсив-контрадикт).

12. *Оценка веритистской успешности систем не должна апеллировать к внутренним для них факторам* (дефенсив).

13. *Научные теории либо истинны, либо ложны* (дефенсив).

14. *Психологические данные также могут стать вкладом в веритистский анализ истинности свидетельства* (контрадикт).

15. *Голдман выдвигает «тезис сравнительного превосходства науки» (comparative scientific superiority, CSS): Научная практика веритистски эффективнее, чем ряд ненаучных практик, доступных людям, в решении того типа вопросов, которыми наука занимается. Но эпистемология Голдмана оценивает многие социальные практики с точки зрения их «истинности», наука – только одна из них* (дефенсив-контрадикт).

16. *Сферу методологического анализа необходимо ограничить контекстом обоснования. Голдман предлагает для обоснования «веритичности» практик и научных теорий теорему Бейеса* (дефенсив).

17. *Критицизм. Критический подход не является, по Голдману, несовместимым с веритизмом* (дефенсив).

18. *Фундаментализм и нормативизм. Голдман пытается создать единую веритистскую теорию познания на основе своей модификации корреспондентной теории истины, опираясь на понятие «соответствий», также фундаменталистской является его позиция релайабилитета²⁷. В соответствии со своим нормативизмом предписывает «веритистски хорошую» практику (использование теоремы Бейеса)* (дефенсив).

19. *Субъектоцентризм. Единцей знания для Голдмана является внутреннее состояние индивиду, единичного субъекта, означающее его уверенность в утверждении, являющемся истинным (т. е. имеющим «соответствия» в реальности). Социальность познания понимается Голдманом как взаимодействие отдельных индивидов, социальные практики оцениваются им в терминах их влияния на суммарное знание участвующих субъектов* (дефенсив).

²⁷ Понятия истины и знания связываются у Голдмана при помощи принятой им доктрины «релайабилитета» (теории надежности). Эта доктрина заключается в следующем: убеждение может быть образовано в результате надежных (truth-conducive) или ненадежных (non-truth-conducive) процессов. Истинность первых более вероятна, чем вторых.

20. *Отказ от наукоцентризма.* Для веритивистской эпистемологии превосходство науки не является предпосылкой – она оценивает многие социальные практики с точки зрения их веристичности. Так экономические и политические практики также оказываются в центре его внимания и подвергаются веритивистской оценке (контрадикт).

21. *По отношению к самому понятию истины Голдман придерживается теории корреспонденции, но также заимствует элементы дефляционного подхода*²⁸. (дефенсив)

Из приведенных данных видно, почему Э.Голдман из других современных авторов выделяется как основной оппонент Д.Блура. Его система взглядов (как и таковая Блура) является гибридной формой, но уже с тяготением к дефенсиву. «Назад», как сказал бы «прогрессивно настроенный» читатель. Но это спорное утверждение, поскольку если логически данная концепция содержит ряд компонентов дефенсива, то психологически и в соответствии с эмпирическим движением мысли это – компоненты «контрадикта контрадикту» или «реакция на реакцию», поскольку Голдман противопоставляет свой подход неклассическим течениям в эпистемологии, в том числе социально-конструктивистскому (Б.Латур, С.Вулгар), а также «сильной программе» (Б.Барнс, Д.Блур).

6. Контекстуальный анализ науки Х.Лонжино

Х.Лонжино, социальный эпистемолог, объявляет свою точку зрения на научное знание и рассуждение, которые она развивает в своей книге «Наука как социальное знание»²⁹, эмпиристской. Но это «умеренный эмпиризм» или «контекстуальный эмпирицизм». В соответствии с этой точкой зрения, «базовые предположения» представляют собой средства, при помощи которых контекстуальные ценности и идеологии инкорпорируются в научный поиск. Но Лонжино не представляет науку как субъективное мероприятие. Она считает, что социальный подход к объективности решает проблему объективности научного знания. Она утверждает, что ни научный реализм, ни холизм не обеспечивают удовлетворительного понимания нормативного аспекта научных исследований. Это делает только контекстуализм, показывая отношения между эмпирическим и теоретическим основаниями без научного знания. Научное исследование не отделено от своего социального, политического и культурного контекста. Компонет эмпиризма в концепции Лонжино представляет собой рассмотрение опыта (experience) как основания для научного знания. Эту форму эмпиризма она отличает от позитивистского эмпиризма.

По Лонжино опыт (experience) может быть переосмыслен как интерактивный, а не как пассивный процесс. Лонжино утверждает зависимость опыта от сферы наших смыслов, от нашего концептуального аппарата, и в то же время от внешнего мира – ее концепция, так же, как концепция Д.Блура, дуалистична в этом смысле. Наука детерминирована контекстуальными ценностями. Конститутивные ценности обеспечивают проверку (provide a check) контекстуальных ценностей и культурных универсалий, включая эмпирическую и концептуальную оценку научных утверждений. Практики на-

²⁸ «Дефляционизм» – это класс теорий, в соответствии с которыми утверждения говорят о своем субъекте, но не о собственной истине. При этом нет различия в содержании утверждений «истинно то, что Р» и просто «Р».

²⁹ См.: Longino H.E. Science as Social Knowledge. Princeton (New Jersey), 1990.

блюдения и логического вывода не могут быть структурированы так, чтобы элиминировать контекстуальные ценности. Процессы, минимизирующие влияние ценностей, – такие как интересубъективная критика, – лишь отчасти эффективны в этом смысле. Х.Лонжино по-своему примиряет объективность науки с социальным и культурным конструированием. Она выводит из социальности объективность (то же самое, в принципе, делает Д.Блур), по Лонжино, социальное конструирование науки *ведет* к ее объективности, по Блуру – первое *означает* последнее. Таким образом, социальный конструктивизм Лонжино является более слабой версией социального конструктивизма Блура, хотя и тот и другой относятся к слабым вариантам социального конструктивизма вообще. Рассмотрим позицию исследовательницы, как мы ее можем отразить в нашей модели.

1. «Мир», по Лонжино, не дан, но является продуктом взаимодействия *экстернальной материальной реальности* и наших практических и интеллектуальных потребностей (дефенсив).

2. *Характеристики мира не зависят от предпочтений и интересов наблюдателя* (дефенсив). Но, довольно бегло признавая существование *экстернальной материальной реальности*, Лонжино заключает ее в скобки, поскольку она дана только в сплаве с человеческими практиками и теориями. Характеристики «мира», как мы его видим, зависят от наших «базовых предположений».

3. Х.Лонжино рассматривает *научные практики как ставящие первичной целью истинный или репрезентативный подход к объекту* (дефенсив).

4. По Лонжино, *наука достигает идеала объективности* (дефенсив).

5. *Но естественные закономерности являются для нее закономерностями только с определенной точки зрения – при определенных «базовых предположениях»* (контрадикт).

6, 7. Основанное на эмпирической очевидности рассуждение, как научное, так и повседневное, контекстуально-зависимо. Опыт играет роль в выборе гипотез, преломляясь через «базовые предположения», участвующих в этом опыте. *Эмпиричность еще не гарантирует науке объективность, т. к. не дает контроля над «базовыми предположениями», на основе которых расшифровываются эмпирические данные* (контрадикт).

8, 9. *Превосходство теории и стандарты, по которым оно устанавливается, – являются функцией исторического и культурного контекста, в котором теория развивалась, и оно не может быть артикулировано независимо от этого контекста* (контрадикт).

10. С позитивистскими концепциями (Р.Карнап, К.Гемпель) Лонжино связывает кумулятивизм. С направлением холизма (Т.Кун, П.Фейрабенд) Лонжино связывает антикумулятивизм. Она критикует оба подхода и развивает свой контекстуализм. *«Успешность» теорий не означает их истинности, замечает Лонжино.* Ее взгляд, скорее, антикумулятивен, хотя ее позиция по этому вопросу довольно расплывчата (контрадикт).

11. *Контекстуальные ценности могут выражаться в «базовых предположениях», направляя логический вывод к специфическим предположениям* (контрадикт). *При этом контекстуальный анализ науки, по утверждению Лонжино, не отрицает ее подлинность и чистоту* (дефенсив).

12. *Деление факторов, влияющих на науку, на конститутивные и контекстуальные, намекает на то, что первые являются внутренними для науки, в то время как вторые – внешними* (дефенсив).

13. *Научные теории либо истинны, либо ложны* (дефенсив). Этого Лонжино прямо не говорит, но не говорит и обратного. Из ее рассуждений о достижимости наукой объективности и о существовании *экстернальной материальной реальности* можно сделать вывод, что она придерживается этого положения.

14. О взаимоотношении эпистемологии и психологии не высказывается.

15. *Научное размышление от повседневного отличается тем, что в научном исследовании логический вывод, связанный со скрытыми предпосылками, отвергается* (дефенсив).

16. *Рациональная общественная критика теорий и гипотез служит их обоснованию* (дефенсив).

17. Когда опытные данные теории или гипотезы приняты научной общественностью, они становятся общественными ресурсами. Научные исследования объективны *в той степени*, в которой они разрешают «*трансформативную критику*». Лонжино, таким образом, измеряет объективность не интерсубъективностью, но чувствительностью методов и результатов к критике. *В общественной критике Лонжино видит средство элиминации индивидуальных интересов* (критицизм по Лекторскому) (дефенсив).

18. На такой «*трансформативной критике*» *основана объективность научного знания* (фундаментализм и нормативизм по Лекторскому) (дефенсив).

19. *Развивается понимание научного поиска как набора скорее социальных чем индивидуальных практик* (отказ от субъектоцентризма по Лекторскому) (контрадикт).

20. *Лонжино можно приписать наукоцентризм по Лекторскому* (дефенсив).

21. По Лонжино, не существует *уникального* корректного описания объекта – но возможно *множество описаний*. Стержнем ее концепции научного знания является утверждение, что объект может быть *корректно* описан *разными* способами, зависящими от *точки зрения и интересов описывающего* (контрадикт).

Итак, Лонжино сама делает акцент на противопоставлении своего подхода: позитивизму и научному реализму, с одной стороны, и холизму (Т.Кун), с другой стороны. Эти три подхода, по Лонжино, предлагают различные перспективы относительно релевантности научных идей социальным, культурным и политическим принципам, практикам и идеалам. Что касается нашей модели, то теория Х.Лонжино находит свое место в дискурсе о научном знании как истинная гибридная форма, представляющая собой сложное переплетение «реакций» сразу на несколько противостоящих друг другу подходов. Логически она тяготеет в ряде пунктов к дефенсиву, в ряде – к контрадикту.

7. Заключение

Мы рассмотрели концепции трех социальных эпистемологов, относящихся к мыслителям второй половины XX в., в их отношении к построенной нами модели противостояния классической и неклассической эпистемологии. Все они оказались гибридными формами, т. е. ни одна из них не представляет дефенсив или контрадикт в чистом виде. Вместе с тем каждое из выделенных нами положений данных концепций противостоит другому положению. Положения дефенсива (классической эпистемологии) в насто-

ящее время защищаются не сами по себе, но в оппозиции тем положениям контрадикта, которые сами некогда породили как «реакцию» на свою «бесспорность». До формулирования противостояния позиций бытующие положения не рефлексированы и относятся скорее к «здравому смыслу», чем к философии.

Так, философский спор стало возможно увидеть как наложение и взаимодействие «реакций», что уже частично делалось исследователями (например, Блуром в отношении спора Т.Куна и К.Поппера), а также применительно к самой социальной эпистемологии (И.Т.Касавин³⁰, А.Альварес, Э.Лёкиви³¹).

---

³⁰ См.: Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии. С. 33.

³¹ См.: Alvarez A.A. Sociological Studies and Philosophical Studies: twenty Years of Controversy; Lõhkivi E. On philosophers' criticism of the sociology of scientific knowledge.